

Проблемы и издержки ретрансляции гуманитарной политики в условиях цифровой неопределенности

Ю.Ю. КОЛОТАЕВ¹

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Аннотация

Статья рассматривает проблематику ретрансляции достижений гуманитарной политики Российской Федерации в условиях фрагментированного информационного пространства. Современная цифровая реальность накладывает множественные структурные ограничения на достижения задач гуманитарной деятельности государства за рубежом, что прежде всего выражено в проблемах формирования имиджа страны через онлайн-платформы, активно препятствующие российской мягкой силе. Цель статьи – установление ключевых сценариев реагирования на сложившиеся ограничения в области ретрансляции гуманитарной политики. Методологической основой служат сценарный анализ, а также элементы агентного моделирования при описании деятельности цифровых платформ в процессе ретрансляции и модерации информации. В работе исследуются проблемы терминологического плюрализма, связанного с категорией «гуманитарная политика», а также идеологические и нормативные ограничения, накладываемые на российскую гуманитарную деятельность. Кроме того, в работе описываются механизмы цифрового вмешательства онлайн-платформ в информационное пространство, а также моделируются три базовых и один вспомогательный сценарий реагирования на подобные вызовы. Среди базовых сценариев выделяются: формирование альтернативного информационного пространства, конвергенция с информационным пространством других стран, восстановление статуса в глобальном пространстве. Каждый из сценариев имеет свои репутационные и технические издержки, на решение которых направлен вспомогательный сценарий, основанный на обращении к менее распространенным, но сравнительно независимым информационным площадкам. Основным выводом данной статьи является необходимость выработки в рамках российской гуманитарной и информационной политики сбалансированного подхода, учитывающего издержки всех ключевых сценариев, а также опирающегося на реальное соотношение технических возможностей и определяемых целей.

¹ **Юрий Юрьевич Колотаев** – ассистент кафедры европейских исследований, Факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет. Россия, 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д.1/3, подъезд № 8.
E-mail: yury.kolotaev@mail.ru

Ключевые слова

гуманитарная политика, мягкая сила, Россия, цифровые платформы, новые медиа, гейткипер, цифровая дипломатия

Для цитирования

Колотаев Ю.Ю. (2023). Проблемы и издержки ретрансляции гуманитарной политики в условиях цифровой неопределенности. *Управление и политика*, 2(4), С. 53–67. DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-4-53-67

Гуманитарная политика как элемент внешнеполитического имиджа является неотъемлемой составляющей регионального и глобального проецирования интересов и возможностей современных государств. Многообразие форм гуманитарной деятельности, выраженное в различных формах социокультурного сотрудничества, участия в государственном или международном развитии, а также помощи в рамках кризисного или конфликтного урегулирования, предоставляет международным акторам вариативный инструментарий усиления своего положительного имиджа, конвертируемого в «нормативный» и «имиджевый» капитал. Несмотря на сохранение значимости классической силовой политики в реалиях XXI века, гуманитарная политика превращается в обязательный сопутствующий аспект внешнеполитического планирования. Ключевой причиной для этого выступает ограниченность средств традиционной силовой политики, выраженной в высоких материальных, а иногда и репутационных издержках для государства, которые в условиях информационного общества имеют активный социальный отклик.

Вместе с тем, при всем плюрализме методов гуманитарной политики, существует важное препятствие в обеспечении ее эффективности, сопряженное с возможностью ее информационной ретрансляции. Под ретрансляцией подразумевается активное распространение положительных нарративов в глобальном информационном пространстве, с целью мультипликации репутационных эффектов от деятельности государственных институтов по оказанию гуманитарной помощи или выстраиванию кооперативных социокультурных связей. Ключевым препятствием в вопросах ретрансляции является доступность

тех или иных информационных площадок глобального масштаба для отдельных государств. Особенно актуальной данная проблематика является для Российской Федерации, находящейся на сегодняшний день в ситуации сокращения информационного присутствия в рамках наиболее распространенных в мире цифровых платформ и медиа в силу обострения глобальной конфронтации со странами Запада.

Исходя из обозначенной проблематики, в рамках статьи ставится цель формирования ключевых сценариев реагирования на проблему ограничения ресурсов ретрансляции гуманитарной политики в информационных реалиях XXI века. Основной фокус работы направлен на объяснение связанности гуманитарной деятельности с информационно-сетевыми ресурсами, а также на анализ ограничений глобального цифрового пространства, сформировавшегося к началу 2020-х гг. Отдельное внимание уделено Концепции гуманитарной политики России за рубежом, а также соотношению возможностей реализации данной концепции с текущим положением России в мировом коммуникационном пространстве.

Гуманитарная политика: терминологические и идеологические аспекты

Определение содержания, стоящего за понятием «гуманитарная политика», является принципиальной отправной точкой для анализа внешнеполитической деятельности, сопряженной с гуманитарной деятельностью. Само по себе понятие имеет двойственное положение, связанное с внутренней и внешней противоречивостью.

Первый аспект вызван терминологическим плюрализмом понятия (Бохан, 2021, с. 153), сопряженного с широким спектром активности государственных и негосударственных акторов в гуманитарной сфере. У «гуманитарной политики» отсутствует унифицированная трактовка как в научном, так и в правовом пространстве. В коннотации различных научных школ она может отражать работу над имиджем государства (Великая, Семедов, 2020), помощь жертвам конфликтов (Громогласова, 2018)

или широкое культурное сотрудничество с другими странами. В наиболее общем представлении, под гуманитарной политикой стоит понимать внешнеполитический инструмент «по формированию благоприятного образа страны» (Великая, Семедов, 2020, с. 56). Такой инструмент задействует культурный, научный, социальный и информационный потенциал государства для построения международного имиджа, способного дать международные преимущества при дальнейшей торгово-экономической и политической деятельности страны.

Вместе с тем, гуманитарная политика может стать инструментом в руках и негосударственных акторов. К примеру, Международный Комитет Красного Креста также претендует на проведение гуманитарной политики, специализируясь при этом на «обеспечении лучшей защиты и помощи людям, пострадавшим в результате вооруженных конфликтов и других ситуаций, сопряженных с насилием»². В данном случае речь идет не о «формировании образа», а о решении гуманитарных проблем посредством дипломатических и глобальных каналов.

Помимо терминологических разночтений внутреннего характера следует отметить и противоречивость связи с другими концепциями, в частности, с категориями «публичной дипломатии», а также «мягкой» и «острой силы». Связь гуманитарной политики с первой проявляется в ориентации на диалог с зарубежным обществом посредством государственных и негосударственных каналов. Но если гуманитарная политика прибывает в социокультурной сфере, то публичная дипломатия распространяется на политическое пространство с применением политических и неполитических инструментов. Вместе с тем, проблема внешней противоречивости проявляется не столько в разграничении политического и неполитического, сколько в экстраполяции политических проблем на неполитическую сферу, что наиболее заметно, в частности, при интерпретации российской публичной дипломатии и гуманитарной политики через призму мягкой/острой силы.

² Humanitarian Policy / International Committee of the Red Cross. URL: <https://www.icrc.org/en/humanitarian-policy> (дата обращения: 05.11.2023)

Если в классическом понимании гуманитарная и публичная деятельность являются типичными примерами мягкой силы, то в условиях актуальной конфронтационной повестки со странами Запада российская мягкая сила и публичная деятельность в гуманитарной сфере стигматизируются как инструменты пропаганды (Бурлинова, 2023). В данном случае мягкая сила преобразуется в «острую», закрепляющую манипулятивный статус гуманитарных действий в глазах западного сообщества. Следует отметить, что подобный статус «острой» гуманитарной и публичной политики закреплен не только за Россией, но и за КНР, ведущей активную культурную и информационную деятельность, направленную на внешнюю аудиторию.

Таким образом, вопросы терминологии накладываются на идеологический аспект, который указывает на проблему внешней дискредитации гуманитарной политики, создающий изначальные преграды для эффективной гуманитарной деятельности. Однако, помимо идеологического компонента, важно учитывать характеристики информационной среды и их соотношение с приоритетными направлениями гуманитарной политики отдельного государства.

Российская гуманитарная политика и особенности современного цифрового пространства

Активизация российской гуманитарной политики в прошлом и текущем десятилетиях, совпавшая с расцветом цифровых технологий, привела к приоритизации формирования благоприятного образа страны в рамках внешней информационной и гуманитарной деятельности государства. Данный приоритет был закреплен в Концепции гуманитарной политики РФ за рубежом, утвержденной Указом Президента России от 05.09.2022 г. № 611.³ Исходя из Концепции, гуманитарная политика

³ Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом // Министерство иностранных дел Российской Федерации, 2022. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1829856/ (дата обращения: 03.10.2023)

призвана обеспечить «формирование объединительной международной повестки дня», в рамках которой культура является «эффективным инструментом сглаживания противоречий»⁴. При этом ключевым приоритетом и целью гуманитарной деятельности, в соответствии с широкой трактовкой понятия «гуманитарная политика», выступает формирование и укрепление объективного восприятия страны в мире.

Исходя из основных направлений гуманитарной политики России, одной из наиболее насущных задач, стоящих перед страной, выступает использование возможностей медиа (новых и традиционных), а также современных технологий в более широком смысле в формировании достоверного образа России на международной арене. Эта задача параллельно совпадает с нарастающими попытками политизации гуманитарной сферы, что выражается в отраженной ранее тенденции представления российской мягкой силы в форме инструмента информационного влияния и пропаганды. Вместе с тем политизация и стремление использовать новые медиа для информационного сопровождения гуманитарных мероприятий находятся в прямом противоречии.

С одной стороны, определение цифровых и социальных онлайн-платформ, равно как и «расширение российского присутствия в сети Интернет»⁵ в качестве ключевых ресурсов ретрансляции гуманитарной политики ставит видимость проводимых действий в прямую зависимость от технологических возможностей страны, а также доступности основных медиа-площадок. С другой стороны, политизация гуманитарной сферы распространилась на большой круг вопросов, касающихся не только отношения транслируемой со стороны России информационной повестки, но и вопросов ограничения доступа для российских информационных ресурсов к глобальному информационному пространству.

В этом отношении важно отметить несколько ключевых характеристик современной цифровой среды в целом, имеющих важные последствия для ретрансляции гуманитарной политики, в частности. Информационное

⁴ Там же.

⁵ Там же.

пространство, сосредоточенное вокруг сетевой инфраструктуры Интернета, к моменту 2020-х гг. отражает во все меньшей степени идеалы свободы и безбарьерной цифровой среды начала XXI века. На текущий момент цифровая сфера испытывает все большее количество прямых и косвенных ограничений, связанных с последствиями глобальных политических процессов в сети.

Наиболее фундаментальными явлениями в этой связи выступают цифровая сегментация глобальной сети, а также социальная поляризация внутри нее. Первый процесс выражен в формировании «суверенных» информационных пространств внутри глобальной сети, что сопряжено с желанием государственных акторов восстановить размывающийся суверенитет в информационном пространстве, а также обеспечить национальные интересы защиты прав своих граждан путем активного регулирования информационной среды, наложения ограничений к доступу или распространению данных (на уровне платформ или провайдеров) и создания новых условий хранения и использования данных граждан (к примеру, путем локализации центров их хранения в национальных границах государства). Такая тенденция ведет к «балканизации интернета» (Hill, 2012), выраженной в растущем количестве издержек для информационных акторов, что снижает открытость информационного пространства в целом.

Параллельно с этим внутри самих цифровых сообществ, отражающих различные социальные группы в онлайн-пространстве, образуются фактические разделительные линии в виде закрытых в рамках своей информационной повестки объединений (эхо-камеры) (Ross Arguedas et al., 2022). Подобные процессы отражают цифровое выражение социальной поляризации, которая лишь усиляется из-за специфики архитектуры основных онлайн-платформ. Для них возможность поляризации общества становится ресурсом сохранения внимания, а, следовательно, удержания потенциального пользователя дольше в рамках самой платформы.

Эта особенность современного информационного пространства сочетается с тем, что новые медиа перенимают на себя функции и возможности традиционных медиа, выраженных в возможностях

управления общественным сознанием через инструменты так называемых «медиа эффектов» – фрейминга, прайминга и установления повестки дня (Kolotaev & Kollnig, 2021). Во многом контроль за информационной повесткой со стороны социальных сетей осуществляется через механизмы распределения контента (Srivastava, 2023), завязанные на проприетарных алгоритмах, равно как на других способах подсвечивания или выдачи контента.

В контексте информационных аспектов гуманитарной политики России, а также других государств данные особенности информационного пространства вызывают особые проблемы для ретрансляции образа государства. Прежде всего, названные издержки становятся фундаментальным препятствием для деятельности государств из-за явного дисбаланса распределения основных информационных платформ. Если обратиться к актуальной статистике лидерства тех или иных новых медиа в различных регионах, то данные отражают безоговорочное лидерство платформ, принадлежащих компании Meta – Facebook и Instagram (Facebook и Instagram – ресурсы компании Meta Platforms Inc.*, признанной экстремистской и запрещенной на территории России), что сопряжено с высокими издержками для российской гуманитарной политики. Для данных платформ характерна и уже названная активная политизация информационной деятельности России, и активные практики дискредитации российских действий на уровне модерации.

Показательным примером в этой связи, в частности, стали действия названных соцсетей в 2022 г., когда в официальном заявлении руководства компании было временно обозначено частичное право публиковать русофобный контент, несмотря на противоречие правилам сообщества⁶. Эта ситуация напрямую проиллюстрировала как информационный «посредник» злоупотребил своим исключительным положением,

⁶ Facebook и Instagram временно разрешат призывы к насилию в отношении российских военных / Interfax. URL: <https://www.interfax.ru/world/827511> (дата обращения: 11.10.2023); Facebook temporarily allows posts on Ukraine war calling for violence against «Russian invaders» / CNN Business. URL: <https://edition.cnn.com/2022/03/10/tech/facebook-instagram-russians/index.html> (дата обращения: 11.10.2023).

* Facebook и Instagram – ресурсы компании Meta Platforms Inc., признанной экстремистской и запрещенной на территории России.

определив допустимость частных проявлений ненавистнической риторики и дискурса на своей платформе, устанавливая таким образом общую повестку.

Другим примером активного вмешательства в процесс ретранслируемой информации в отношении российских источников стали действия другой платформы – видеохостинга YouTube, заблокировавшего деятельность ряда российских СМИ в 2021 и 2022 гг.⁷ Подобная практика получила наименование «деплатформинг», отражающая более жесткие формы модерации путем удаления контента, каналов или пользователей с платформ.

Вместе с установлением повестки, деплатформинг иллюстрирует явные ограничения и возможности ретрансляции российской гуманитарной политики в целях укрепления мягкой силы из-за сложившегося в рамках ключевых информационных платформ негласного консенсуса относительно предвзятой модерации российского контента. Данные особенности современной среды заставляют критически переоценить роль информационно-технологического фактора при разработке гуманитарной политики, а также определить возможные сценарии преодоления сложившихся ограничений.

Сценарии реагирования на ограничения возможностей ретрансляции гуманитарной политики

Региональное и глобальное выражение влияния современных цифровых платформ посредством деплатформинга, информационного лидерства, а также статуса «гейткипера», т.е. посредника управляющего доступом и отображением информации. В контексте текущего лидерства западных онлайн-платформ, данное обстоятельство накладывает

⁷ YouTube объявил о блокировке российских аккаунтов СМИ, финансируемых государством / ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14046243> (дата обращения: 10.10.2023); Youtube удалил два немецких канала RT без возможности восстановления / Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/media/news/2021/09/28/888791-youtube-udalil-dva-nemetskih-kanala-rt-bez-vozmozhnosti-vosstanovleniya> (дата обращения: 10.10.2023).

ограничения на реализацию отечественной гуманитарной политики. В частности, в подобных обстоятельствах не может быть достигнута задача освещения гуманитарной деятельности России за рубежом.

«Широкое внедрение современных цифровых технологий», а также «продвижение за рубежом отечественных цифровых образовательных платформ и социальных сетей»,⁸ как отмечается в Концепции, в действительности, может стать инструментом повышения эффективности российской цифровой дипломатии. Однако важно учитывать реальный текущий потенциал России в информационной сфере с глобальным распределением информационных ресурсов.

С учетом названных в предыдущем разделе особенностей цифрового пространства у российской гуманитарной политики в рамках легального пространства существует три базовых и один вспомогательный сценарии гипотетического реагирования:

1) Формирование альтернативного информационного пространства. Такой сценарий напрямую зависит от технологической привлекательности и способностей отечественных платформ к привлечению пользователей по всему миру. Как известно, на текущий момент возможности подобного сценария присутствуют, однако они весьма ограничены постсоветским пространством с опорой на платформу VK. Если рассматривать дальнейшее распространение информационного присутствия отечественных платформ за рубежом (за пределами постсоветского пространства), то на данный момент оно затрагивает лишь маргинальные и немногочисленные преимущественно русскоговорящие группы, что выражает лингвистическую детерминированность VK. Кроме того, активное продвижение отечественных платформ как альтернативных площадок, скорее всего, столкнется с ожидаемой негативной реакцией со стороны западных стран, сопровождаясь процессом блокировки подобных ресурсов и дальнейшей изоляцией в вопросах репрезентации гуманитарной политики (и не только) как следствие.

⁸ Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. Министерство иностранных дел Российской Федерации, 2022. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1829856/ (дата обращения: 03.10.2023).

2) Конвергенция с информационным пространством других стран. Подобный сценарий подразумевает гипотетическое сотрудничество в рамках существующих платформ с другими акторами, к примеру, с КНР. Этот сценарий расширяет возможности ретрансляции российской гуманитарной политики на другие регионы, однако обладает значительным перечнем трудностей. Прежде всего они связаны с труднопрогнозируемым спросом на конвергенцию с другими акторами, что, помимо прочего, накладывает на проблему преодоления языковых и структурных барьеров. Вместе с тем, возникает вопрос дистрибуции влияния, который можно связать с проблематизацией того, чья платформа выступает источником конвергенции. Финальной же сложностью становится ограниченная репрезентация в рамках сформированного пространства, толкающего глобальную информационную сферу к дальнейшей региональной сегментации.

3) Восстановление статуса в глобальном пространстве. Выступает наименее реализуемым сценарием из-за своей зависимости от международно-политических факторов. Требует изменения положения западных платформ в российском пространстве, что может быть вызвано лишь соблюдением ими российских норм и восстановлением диалога с регуляторами (что, вероятно, осуществимо лишь при труднодостижимой компенсации издержек от предпринятых ранее действий или односторонних уступках). Также требуется глобальное смягчение конфронтационных позиций и риторики акторов. При этом результатом сценария становится высокий уровень внешней зависимости («игра на чужом поле»), который, однако, обеспечивает более широкий доступ к информационному пространству чем 1 или 2 сценарий.

4) Вспомогательным сценарием выступает опора на «независимые» платформы. Данный сценарий также содержит высокую долю внешней зависимости, которая, вместе с тем, обусловлена не попыткой закрепления в чужом информационном пространстве, а стремлением к расширению информационного присутствия на альтернативных пользующихся спросом платформах, к примеру, Telegram. Вспомогательный характер этого сценария обусловлен тем, что он связан с независимыми от

осуществляемой страной политики переменными. Независимые платформы при негативной динамике цифрового пространства также могут оказаться за рамками правового или информационного поля целевых стран, либо превратиться в акторов с активной позицией гейткипера, противоречащей интересам российской гуманитарной политики.

Представленные сценарии являются гипотетическими моделями поведения в рамках осуществления гуманитарной политики. Вместе с тем, они указывают на наметившийся дисбаланс между задачами, отмеченными в Концепции гуманитарной политики РФ за рубежом, и реалиями современной цифровой среды. Даже при учете неосуществимости любого из сценариев в чистом виде, сами сценарии задают спектр, в рамках которого придется действовать политическим институтам при обеспечении российской публичной дипломатии, в частности, в интересах гуманитарной деятельности.

* * *

Подводя итоги, можно отметить большой перечень вызовов, стоящих при осуществлении гуманитарной политики перед Россией. Круг вопросов охватывает потребность в конкретизации и приоритизации направлений политики как в региональном, так и в содержательном аспекте. Также он включает необходимость учета специфики современной информационной среды, накладывающей фундаментальные ограничения на ретрансляцию действий в рамках гуманитарной политики, что противоречит, в свою очередь, тем приоритетам и задачам, которые отмечены в актуальной Концепции гуманитарной политики России. Дальнейшие действия требуют учета особой роли цифровых платформ, которые часто могут не выполнять свою роль «честного посредника», а становятся ограничителем при распространении информации.

По этой причине, при планировании процессов освещения гуманитарных действий необходимо учитывать актуальные возможности российской мягкой силы в реалиях современного информационного пространства. Все основные сценарии потенциального реагирования

отражают на данный момент значительные издержки, что неизбежно накладывает лимиты на эффективность ретрансляции гуманитарной политики. Следовательно, в рамках дальнейших действий целесообразной становится диверсификация информационных инициатив с опорой на вспомогательные сценарии в виде поиска цифровых посредников, имеющих независимый статус, даже с учетом меньшего охвата аудитории. Подобные формы реагирования на существующие условия позволяют сгладить издержки базовых сценариев, но также сопряжены с рисками (внешние запреты и статус гейткипера), требующими учета при формировании в цифровом пространстве образа страны.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

Received: November 9, 2023

Accepted: December 12, 2023

DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-4-53-67

UDC: 369.032, 327

Public Administration / Research article

Problems and Issues of Humanitarian Policy Representation in the Era of Digital Uncertainty

Yury Y. Kolotaev, Assistant Professor, Department of European Studies,
School of International Relations, Saint Petersburg State University.
Saint Petersburg State University,
Smolny street, 1/3, entr. No. 8, Saint Petersburg, 191060, Russia.
E-mail: yury.kolotaev@mail.ru

Abstract: The article considers the problems of representation of the humanitarian policy achievements of the Russian Federation in contemporary fragmented information space conditions. Modern digital reality imposes multiple structural limitations on the objectives of the state's humanitarian activities abroad, expressed in the problems of forming the country's image through online platforms that actively hinder Russian soft power. The article aims to establish basic scenarios of response to the existing limitations in humanitarian policy representation. The methodological basis is scenario analysis with elements of agent-based modeling in describing the activities

of digital platforms in the information moderation process. The paper explores the problems of terminological pluralism associated with “humanitarian policy,” as well as ideological and normative constraints imposed on Russian humanitarian activities. In addition, the paper describes the mechanisms of digital interference of online platforms in the information space and models three basic and one additional response scenario to such challenges. The basic scenarios include an alternative information space formation, convergence with the information space of other countries, and restoration of status in the global space. Each scenario has its own reputational and technical costs, partly addressed by the additional scenario based on less widespread but relatively independent information platforms. The main conclusion of this article is the need to develop a balanced approach within the framework of Russian humanitarian and information policy, taking into account the costs of all basic scenarios and relying on the current correlation between technical capabilities and defined objectives.

Keywords: crisis management, institutional design

Conflicts of interest: humanitarian policy, soft power, Russia, digital platforms, new media, gate-keeper, digital diplomacy

Список литературы / References:

Hill, J.F. (2012). A Balkanized Internet? The Uncertain Future of Global Internet Standards. *Georgetown Journal of International Affairs*, 49-58.

Kolotaev, Y., & Kollnig, K. (2021). Political Influence of Online Platforms: YouTube's Place in European Politics. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 14(2), 225–240. DOI: 10.21638/spbu06.2021.206

Ross Arguedas, A., Robertson, C., Fletcher, R., & Nielsen, R. (2022). *Echo Chambers, Filter Bubbles, and Polarisation: a Literature Review*. Reuters Institute for the Study of Journalism.

Srivastava, S. (2023). Algorithmic Governance and the International Politics of Big Tech. *Perspectives on Politics*, 21(3), 989–1000. DOI: 10.1017/S1537592721003145

Bokhan, A.S. (2021). Gumanitarnaya politika Rossii na sovremennom etape [Humanitarian policy of Russia at the present stage]. *Problemy postsovetskogo prostranstva*, 8(1), 152-162. DOI: 10.24975/2313-8920-2021-8-1-152-162

Burlinova, N. (2023). Zapad ne priznayet za Rossiyey prava na publichnyuyu diplomatiyu [The West does not recognize Russia's right to public diplomacy]. RIAC. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zapad-ne-priznaet-za-rossiyey-prava-na-publichnyuyu-diplomatiyu/> (accessed: 05.11.2023).

Velikaya, A.A., Semedov, S.A. (2020). Gumanitarnaya politika Sovetskogo Soyuzo [Humanitarian policy of the Soviet Union]. *Nauchno-analiticheskiy zhurnal Obozrevatel'-Observer*, 4 (363), 56–65.

Gromoglasova, E.S. (2018). Gumanitarnaya sostavlyayushchaya vneshney politiki gosudarstva [The humanitarian component of the state's foreign policy]. *Puti k miru i bezopasnosti*, 1 (54), 77–91. DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-77-91

Литература на русском языке:

Бохан А.С. (2021). Гуманитарная политика России на современном этапе. *Проблемы постсоветского пространства*, 8(1), 152-162. DOI: 10.24975/2313-8920-2021-8-1-152-162

Бурлинова Н. (2023). *Запад не признает за Россией права на публичную дипломатию*. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zapad-ne-priznaet-za-rossiey-prava-na-publichnyu-diplomatiyu/> (дата обращения: 05.11.2023).

Великая А.А., Семедов С.А. (2020). Гуманитарная политика Советского Союза. *Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer*, 4 (363), 56–65.

Громогласова Е.С. (2018). Гуманитарная составляющая внешней политики государства. *Пути к миру и безопасности*, 1 (54), 77–91. DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-77-91

